

БОРИС КРИГЕР

**АЛЕКСАНДР
МЕНЬ
И ЭКУМЕНИЗМ**

БОРИС КРИГЕР

АЛЕКСАНДР
МЕНЬ
И ЭКУМЕНИЗМ

© 2025 Boris Kriger

All rights reserved. No part of this publication may be reproduced or transmitted in any form or by any means electronic or mechanical, including photocopy, recording, or any information storage and retrieval system, without permission in writing from both the copyright owner and the publisher.

Requests for permission to make copies of any part of this work should be e-mailed to krigerbruce@gmail.com

Published in Canada by Altaspera Publishing & Literary Agency Inc.

Александр Мень и экуменизм

Эта книга посвящена наследию Александра Менья, чья миссионерская деятельность и богословские взгляды вызывают как восхищение, так и ожесточённые споры. Основное внимание уделяется его роли в возвращении людей к Церкви, особенно среди интеллигенции, которая искала путь к христианству не через догматическое осмысление, а через живую встречу со Словом. Автор анализирует влияние его трудов, подчеркивая, что, несмотря на критику со стороны ортодоксальных богословов, они способствовали укреплению православной веры и привели многих к таинствам и духовной жизни.

Также в книге затрагивается тема экуменизма и его восприятия в православном мире. Поднимаются вопросы границ допустимого в миссионерской деятельности и проблематика диалога между конфессиями. Автор критикует как крайний экуменизм, так и фанатичное противостояние ему, подчёркивая, что истинная ревность о вере должна сочетаться с любовью и смирением. Книга заставляет задуматься о балансе между сохранением догматической чистоты и необходимостью говорить с миром на понятном языке, не искажая при этом сущность христианства.

АЛЕКСАНДР МЕНЬ И ЭКУМЕНИЗМ

Наследие отца Александра Меня, несмотря на всю критику его богословских взглядов, остаётся одним из значительных факторов, приведших тысячи, если не десятки тысяч людей в лоно православной Церкви. Его книги, исполненные живой веры и глубокого знания, продолжают служить мостом для тех, кто делает первые шаги к христианству, особенно среди интеллигенции и людей, чья духовная жажда пробуждается не через догматическое осмысление, а через живую встречу со словом.

Критика его подходов не мешает новоначальным приходить именно в каноническую Церковь, ибо он не создавал никаких отдельных религиозных движений, не пытался основать секту, не ставил себя в оппозицию к православию. Его труды, какими бы спорными они ни казались для богословов, приводят людей не в ложные учения, а к принятию таинств, к познанию Христа, к поиску живой веры. В этом смысле его миссия оказалась гораздо более плодотворной, чем многие строго ортодоксальные, но узконаправленные труды, которые, оставаясь безупречными в догматическом отношении, порой остаются недоступными для широкого круга людей.

Что касается ошибок, безусловно, они есть и требуют обсуждения, но их нельзя отрывать от той исторической реальности, в которой он трудился. Он жил в эпоху, когда Церковь ещё выходила из подполья, когда само понятие христианства в сознании большинства людей было затёрто годами атеистической пропаганды. В таких условиях миссионерство требовало гибкости, способности говорить с разными людьми на понятном

им языке. Возможно, некоторые его высказывания могли ввести в заблуждение, однако его книги всё же не ведут в ересь, а становятся для многих лишь отправной точкой в осмыслении веры, после чего человек уже обращается к глубине святоотеческого предания.

Его трагическая гибель, по дороге на службу, от руки неизвестного убийцы, воспринимается многими как знамение, как печать страдания, которая искупает любые возможные ошибки. Разумеется, вопросы о границах допустимого в миссионерской деятельности остаются важными, но сам спор о пользе его трудов кажется излишне заострённым, если смотреть на плоды. Ведь если труд приводит человека в Церковь, если он открывает ему путь к истине, если он подвигает к осознанию необходимости таинств и жизни в благодати — разве можно говорить, что такой труд напрасен?

В бытность мою священником мне выпала честь крестить одну пожилую женщину, которая некогда готовилась к этому таинству под руководством отца Александра Менья. Он не успел крестить её сам — смерть прервала его путь, но спустя тридцать лет мне довелось довести его дело до конца. Это был особый момент, заставивший меня задуматься о том, как долго может звучать отголосок одного слова, одной проповеди, одного пастырского прикосновения к душе человеческой.

Она отзывалась об отце Александре с величайшим уважением, вспоминая его не только как мудрого наставника, но и как человека, в котором жила настоящая любовь к ближнему. В её глазах он не был ни спорной фигурой, ни богословом, вокруг трудов

которого разгорались дискуссии, — он был тем, кто когда-то помог ей сделать шаг навстречу Богу. И вот, спустя годы, этот шаг завершился в водах крещения, и я не мог не увидеть в этом тихий, но глубокий знак того, что его миссия продолжала жить, даже если он сам давно покинул этот мир.

Сколько ещё таких людей, до которых он не успел дойти сам, но которые, однажды услышав его слово, в конце концов приходят в Церковь? Как много тех, кто, начав путь через его книги, проходит его до конца, уже опираясь на святоотеческое учение? Спорить о правильности отдельных формулировок можно бесконечно, но есть вещи, которые нельзя измерить богословскими категориями. Когда душа обретает Христа и приходит к полноте жизни в благодати — важнее ли это любых споров?

Разделение между христианами различных конфессий не может не вызывать скорби, ибо в самой сущности веры заложен призыв к единству, заповеданный Христом. Однако православие, как стройная система духовного знания, обладает удивительной точностью, порой превосходящей даже точные науки, поскольку его основания не просто логически выверены, но и освящены благодатью. Вера, корнями уходящая в учение Спасителя, не есть плод человеческих измышлений, но являет собой живую традицию, непрерывную связь с первыми учениками Христовыми.

Отрицать это — значит утверждать, что на земле не осталось Церкви, воспринявшей полноту благодати, данной Христом. Но такое утверждение неизбежно ведёт к мысли о том, что слова Спасителя о непреодолимости

Церкви перед силами ада оказались бы ложными, что невозможно принять без отрицания самого Евангелия.

Однако если Церковь Христова сохранилась, то она не может существовать в разрозненных учениях, противоречащих друг другу. Истинное преемство возможно лишь там, где вера передавалась не через догматические уступки и реформы, но через неизменное следование апостольскому преданию. Именно православие, сохранив единство догматического учения, святоотеческое понимание таинств и каноническую преемственность, остаётся той самой Церковью, которая прошла через века, не утратив своей сущности.

Католицизм, отступивший от древнего единства и введший новые догматы, принятые без согласия всей полноты Церкви, не может претендовать на ту же непрерывность, ибо его путь был отмечен разрывом с православными патриархатами, хранившими неизменную веру. В этом смысле лишь православие сохраняет целостность апостольской традиции, не изменённую человеческими измышлениями и не подверженную историческим компромиссам, что и делает его единственным наследником той самой Церкви, о которой говорил Христос.

Всякому, кто с чистым сердцем и молитвой вникал в суть этого вопроса, очевидно, что полнота истины хранится в православии. И всё же остаётся загадкой, почему для многих конфессий путь возвращения оказывается столь трудным. Казалось бы, что удерживает их, если принятие полноты церковной жизни не только не разрушило бы их представлений о Христе, но напротив, наполнило бы их духовную жизнь подлинной благодатью? Что мешает протестантским общинам,

веками обходящимся без настоящей литургии, осознать, что их символическое причащение виноградным соком — лишь тень подлинного таинства, в котором совершается живое соединение с Телом и Кровью Спасителя?

Возможно, причина кроется не только в богословских расхождениях, но и в человеческом стремлении сохранить привычные формы, избежать внутреннего перелома, сопряжённого с признанием того, что многие поколения предков находились в отдалении от полноты Церкви. Это всегда непросто — признать, что путь, которым шли многие до тебя, нуждается в исправлении. Добавляют сложности и вековые предубеждения, а также настороженность перед тем, что представляется чуждым, даже если в этом и заключена истина.

Но ведь никакая внешняя традиция, никакой особый уклад богослужения не могут быть важнее самой сути — соединения со Христом в полноте той благодати, которую Он оставил Своей Церкви. Истинная Евхаристия — не просто воспоминание о Тайной Вечере, но реальное участие в ней, прикосновение к нетварному свету, освящающему душу. Что может быть ценнее этого? И всё же, несмотря на очевидность этого для тех, кто познал глубину православной веры, возвращение иных конфессий остаётся трудным, ибо путь к истине — это всегда борьба не только с внешними препятствиями, но и с внутренними сомнениями, укоренёнными привычками и страхами перед переменами.

Апостольская преемственность, сохранившаяся в таинствах, — это не абстрактное понятие, а реальность, которая передается через священническое

рукоположение, начиная от самих апостолов. Каноны Церкви, основанные на решениях Вселенских соборов, возникли не как результат случайных соглашений, но как выражение истины, явленной под водительством Святого Духа. В них отразилась не только мудрость святых отцов, но и сама суть духовного пути, которым следуют верные на протяжении веков, непрестанно утверждаясь в истине.

Нередко можно встретить мнение, будто непреклонность православных в вопросах веры является лишь выражением гордыни или чрезмерной строгости, лишённой любви и смирения. Однако подлинный смысл такого стояния в истине далеко не все способны постичь. Не является это упрямством ради упрямства или нежеланием учитывать мнение иных, но проистекает из глубинного понимания того, что истина неподвластна компромиссам и уступкам. Если вера есть свет, то как можно примешивать к нему тень заблуждений, не рискуя исказить саму природу этого света?

Многие говорят об экуменизме, но подлинный смысл этого явления остаётся скрытым для большинства. Вопреки распространённому мнению, истинная вселенскость заключается не в поиске некоего общего знаменателя между различными вероисповеданиями, но в возвращении всех христиан к полноте апостольского учения, ко Христу в Его Церкви. Единство невозможно через усечение или искажение веры, через уступки в догматах или пренебрежение канонами. Оно достигается только там, где сохраняется преемственность, где живая традиция остаётся неизменной, а истина не поддаётся размыванию ради мнимого согласия.

Как невозможно представить математику, отвергающую собственные аксиомы, так и православие не может поступиться своими первоосновами, ибо они не просто догматические формулы, но сама суть веры, освящённая истиной, данной свыше. Эти основы признаются многими христианскими конфессиями на словах, но в действительности далеко не всегда соблюдаются. Вера становится лишь формальным ориентиром, за которым скрывается произвольное толкование, подстраивающее духовные истины под изменчивые представления времени.

Такое отношение неизбежно ведёт к постепенному удалению от подлинного христианства, когда внешняя оболочка ещё сохраняется, но внутреннее содержание претерпевает искажения. Одни отвергают таинства, другие ослабляют учение о Церкви, третьи подменяют духовную жизнь социальными или философскими концепциями, сводя богословие к нравственным поучениям. В этом размытии границ порой становится трудно распознать саму суть христианства, ибо оно оказывается затенённым множеством отклонений, каждое из которых оправдывается ссылками на дух времени, на изменяющиеся потребности общества или на стремление к единству, которое подменяет собой истину.

Все сказанное вовсе не может служить оправданием жестокости, осуждения или неприязни к тем, кто придерживается иных воззрений. Истина не нуждается в том, чтобы её отстаивали с ожесточением, равно как и твёрдость в вере не должна превращаться в повод для

гордыни или презрения к ближнему. Подлинное православие всегда сочетает верность догматам с любовью к каждому человеку, ибо без любви даже знание истины остаётся бесплодным.

Не менее важно избегать разделений и обвинений внутри самой церковной ограды, когда одни приходы осуждают другие, подозревая их в излишней уступчивости или уклонении в экуменизм. Такие споры, если они рождаются не из заботы о чистоте веры, а из раздражения и духа разделения, лишь усугубляют внутренние смуты. Смирение и терпение должны быть путеводными звёздами в любом обсуждении церковных вопросов, а главное — неизменное упование на Промысл Божий, Который ведёт Церковь по её историческому пути, не оставляя её даже в самые сложные времена.

Имя отца Александра Менья неизменно вызывает споры, и немало тех, кто осуждает его за взгляды, кажущиеся не вполне соответствующими строгому православному исповеданию. Однако, оценивая труды проповедника, невозможно не учитывать исторический контекст, в котором он действовал. Его миссия начиналась в эпоху, когда страна ещё несла на себе печать десятилетий богоборчества, а интеллектуальная элита, воспитанная на идеях материализма, зачастую даже не имела представления о христианском мировоззрении.

В такой среде требовался особый подход — осторожный, терпеливый, способный провести человека от полного незнания веры к её восприятию. Иногда проповедь нуждается в том, чтобы учитывать особенности мышления слушающих, используя понятные им образы, приближая их к истине так, чтобы она не была

отвергнута сразу. Ведь сам Христос не открывал ученикам всего сразу, но постепенно, шаг за шагом, вводил их в глубины Божественного учения, соразмеряя наставления с их духовным состоянием.

Безусловно, в современных условиях, когда доступ к полноте православного учения открыт каждому, подобные методы могут казаться не столь оправданными. Теперь, когда Церковь не скрыта в катакомбах, а свободно возвещает истину, можно требовать большей точности и строгости в выражении вероучения. Однако в иной исторический момент, когда вера только начинала возрождаться среди обескровленного гонениями народа, возможные неточности в проповеди могли быть не столько ошибками, сколько проявлением милосердия и стремления не отвергнуть начинающегося духовного поиска, но, напротив, бережно направить его к подлинной вере.

Критика в адрес отца Александра Меня продолжается и в наши дни, причём её источники весьма разнообразны — от церковных иерархов до богословов и православных публицистов. Не все её аргументы равнозначны, но они указывают на серьёзные расхождения между традиционным православным вероучением и отдельными тезисами, высказываемыми этим священником. Некоторые полагают, что он сознательно шёл на сближение с другими религиозными системами, допуская идеи, которые воспринимаются как отход от строгой ортодоксии. Другие же считают, что его стремление сделать христианство доступным для интеллигенции того времени требовало иной формы

подачи материала, что неизбежно порождало спорные интерпретации.

Обвинения в синкретизме, манихействе и эволюционизме выглядят особенно остро на фоне того, что православная традиция всегда опиралась на чёткие догматические формулировки. Принятие или даже частичное заимствование идей, чуждых апостольскому преданию, может восприниматься как серьёзное отклонение. Однако, разбирая эти обвинения, следует учитывать не только содержание высказываний, но и контекст, в котором они прозвучали. Например, критика Александра Менья за эволюционистские взгляды исходит из убеждения, что православие не может сочетаться с научными теориями происхождения человека, но этот вопрос остаётся предметом богословских дискуссий и по сей день.

Что касается обвинений в магизме или экстрасенсорике, то здесь возникает сложный вопрос о допустимых границах исследования духовного опыта. Если рассматривать православие исключительно в рамках строгих богословских категорий, любое соприкосновение с внехристианскими традициями может восприниматься как нарушение чистоты веры. Однако возможно и другое толкование — стремление Александра Менья говорить на языке, понятном людям, далёким от Церкви, используя образы, которые могли бы послужить мостом к истинному христианству.

Тем не менее, очевидно, что его подход вызывал и вызывает неоднозначную реакцию, и, несмотря на значительное влияние на духовное пробуждение конца XX века, его труды продолжают оставаться предметом ожесточённых споров.

Фигура отца Александра Меня остаётся одной из самых противоречивых в церковной среде, вызывая как глубокое почтение, так и острую критику. Его деятельность оценивается столь полярно, что редко можно встретить попытки беспристрастного анализа, свободного от крайностей — либо восхваления, либо полного неприятия. Такое расхождение в оценках говорит не только о сложности его богословского наследия, но и о том, насколько неоднозначной была сама эпоха, в которой он жил и проповедовал.

Критика его взглядов встречается не только в православной среде, но и среди католических традиционалистов, что подчёркивает, насколько его подход выходил за рамки устоявшихся религиозных систем. Желая донести христианскую весть до современного человека, он нередко прибегал к сопоставлению христианства с другими религиями, что могло создавать впечатление их излишнего сближения. Это особенно чувствительно в контексте православного богословия, которое всегда настаивало на уникальности откровения, данного через Христа.

В конечном счёте, фигура отца Александра остаётся своеобразной точкой пересечения богословских и миссионерских споров, отражая не только личные особенности его мышления, но и более широкий вопрос о границах допустимого в церковной проповеди. Как далеко можно заходить в стремлении сделать христианство понятным современному миру? Где заканчивается адаптация языка и начинается изменение сути? Эти вопросы не теряют актуальности, и, вероятно, споры о его наследии будут продолжаться ещё долгое

время.

Отвратительно, когда в приходе собирается группа людей, которая вместо молитвы и труда над собственной душой предаётся бесконечным спорам, осуждению и разбору чужих недостатков. Под предлогом заботы о чистоте веры они обсуждают экуменизм, клянут кого-то за недостаточную ревность, обвиняют в предательстве, создают атмосферу подозрительности и разобщения. Но такое поведение разрушает приходскую жизнь, превращая церковную общину не в место спасения, а в закрытый кружок единомышленников, уверенных в своём особом понимании истины.

Любой священник, столкнувшийся с подобным явлением, обязан пресекать его решительно и без колебаний. Церковь — это дом Божий, место, где душа ищет спасения, где человек приходит к Богу через покаяние, молитву, участие в таинствах. Она не должна становиться ареной для выяснения отношений, борьбы за влияние или бесконечных дискуссий, которые лишь раздувают вражду и питают гордыню. Как только в приходе возникает такая группа, она неизбежно стремится навязать свою волю всем окружающим, превращая жизнь общины в поле напряжённого противостояния, где уже не слышно голоса любви, не остаётся места для простого человеческого тепла.

Ещё страшнее, когда такие люди начинают считать себя не просто ревнителями, но хранителями веры, узурпируя право судить о том, кто достоин зваться православным, а кто нет. Они легко забывают, что главная борьба должна вестись не с чужими заблуждениями, а с собственными страстями. Когда приход заражается

духом злобной группировки, он уже не служит делу спасения, но превращается в нечто чуждое самой сути христианства. Поэтому всякий пастырь, которому доверена забота о душах, обязан не допускать, чтобы Церковь превращалась в подобие раскольнической секты, где вместо любви и молитвы царят подозрительность, раздор и ожесточённое осуждение.

Хуже всего, когда во главе такого сообщества, пропитанного осуждением и ненавистью, оказывается сам настоятель. Вместо того чтобы быть пастырем, ведущим свою паству к Христу, он становится вождём клана, цементируя в приходе дух раскола, подозрительности и ожесточения. Его слово уже не врачует, а разжигает вражду, его проповеди не ведут к покаянию, а только подогревают недовольство, разделяя людей на «своих» и «чужих». В таком приходе вера превращается не в путь к спасению, а в знамя борьбы, где главное — не внутреннее преобразование, а постоянный поиск врагов и еретиков.

Такой священник может говорить правильные слова, ссылаться на каноны, ссылаться на святых отцов, но если в его сердце нет любви, всё это обращается в прах. Вместо того чтобы врачевать человеческие души, он питает в людях самые тёмные чувства: страх, злобу, чувство избранности. Люди, приходящие в храм за утешением, уходят с ещё большей тяжестью, ибо вместо света получают мрак подозрений и осуждения.

Опасность такого настоятеля в том, что он пользуется доверием, и если он вводит в заблуждение паству, отравляя её сердце ненавистью, то разрушает не только конкретный приход, но и судьбы людей, которым закрывается путь к Богу. Церковь перестаёт быть для них местом радости и мира, искажая сам смысл духовной жизни.

Настоящий пастырь должен вести людей к смирению, молитве, покаянию, учить их терпению и любви, напоминать, что суд — не в руках человеческих, а в руках Божьих. Если же священник вместо этого становится источником раздора, то он уже не служителю алтаря, а глава секты, пусть даже внешне сохраняющей православную оболочку.

Да, современный экуменизм несёт в себе опасность. Да, он размывает границы православной веры, создавая иллюзию, что истина может быть уступчива, что догматы подлежат пересмотру ради человеческого единства. Но гораздо страшнее другое — когда в борьбе за чистоту веры на приходском уровне появляются самозванные ревнители, которые, не обладая ни духовным рассуждением, ни смирением, берут на себя роль судей и блюстителей канонов.

Не их ума это дело! Их тревожит экуменизм, но не тревожит собственное осуждение. Они боятся смешения вер с иноверцами, но не замечают, как их собственная гордыня и злоба искажают православие не меньше, чем любые внешние угрозы. Церковь никогда не нуждалась в ревнителях без рассуждения, в людях, которые ставят себя выше пастырей, начинают учить священников, требуют расследований, разоблачений, осуждений. Эти люди, под предлогом борьбы за истину, разрушают живую церковную общину, превращая её в военный лагерь, в котором главное — поиск врагов, а не спасение души.

Немало зла приносят именно такие ревнители, которые вместо того, чтобы молиться, исповедоваться, исправлять себя, тратят силы на бесконечные споры, на подозрения, на разделения внутри приходов. Они враждуют между собой, подозревают настоятелей, требуют разбирательств, клеймят всех, кто не совпадает с их взглядами. И тем самым они наносят урон Церкви ничуть не меньший, чем любые внешние ереси.

Быть православным — значит жить в истине, но истина невозможна без смирения. Спасение приходит не от суда над ближним, а от борьбы со своими страстями. И пока человек этого не поймёт, он, как бы ни прикрывался любовью к вере, будет разрушать её своим духом злобы и раздора.

References

1. Louth, A. (2007). *Introducing Eastern Orthodox Theology*. IVP Academic.
2. Pelikan, J. (1971). *The Christian Tradition: A History of the Development of Doctrine*. University of Chicago Press.

3. Schmemmann, A. (2003). *For the Life of the World: Sacraments and Orthodoxy*. St. Vladimir's Seminary Press.
4. Kriger, B. (2024). *The theological and ecclesiastical controversy surrounding Father Alexander Men: A critical analysis*. Orthodox Faith.
5. Florovsky, G. (1989). *The Ways of Russian Theology*. Nordland Publishing.
6. Romanides, J. (1981). *The Ancestral Sin*. Zephyros Publishing.
7. Ware, K. (2002). *The Orthodox Church*. Penguin Books.
8. Kriger, B. (2024). *Theological consistency and ecclesiastical unity in Orthodox Christianity: A doctrinal and historical analysis*. Orthodox Faith.